

Червоный Александр Михайлович

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье речь идет о влиянии асимметрии плана содержания и плана выражения на субъект-объектные отношения как в аспекте семантического синтаксиса, так и дискурсивной прагматики. На материале русского и французского языков рассматривается динамика субъектно-объектных отношений и их выражение в коммуникативном акте. В работе представлена функциональная типология субъекта, имплицитный языковой субъект соотнесен с понятием "точка зрения". В статье описана субъектно-объектная диффузия, которая свидетельствует о двуедином характере субъекта: его когнитивной статичности на глубинном семантическом уровне высказывания и его динамизме и полифоничности выражения на синтаксическом уровне.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 198-203. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'362

Филологические науки

В статье речь идет о влиянии асимметрии плана содержания и плана выражения на субъект-объектные отношения как в аспекте семантического синтаксиса, так и дискурсивной прагматики. На материале русского и французского языков рассматривается динамика субъектно-объектных отношений и их выражение в коммуникативном акте. В работе представлена функциональная типология субъекта, имплицитный языковой субъект соотносится с понятием «точка зрения». В статье описана субъектно-объектная диффузия, которая свидетельствует о двуедином характере субъекта: его когнитивной статичности на глубинном семантическом уровне высказывания и его динамизме и полифоничности выражения на синтаксическом уровне.

Ключевые слова и фразы: субъектно-объектные отношения; диффузия; состояние; трансформация; лицо; безличность; точка зрения.

Червоный Александр Михайлович, канд. филол. наук

Таганрогский государственный педагогический институт им. А. П. Чехова
skutrik@yandex.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)[©]**

Как известно, особое (характерологическое) место в русистике занимает так называемая категория состояния, отражающая процесс нейтрализации оппозиций: «одушевленность / неодушевленность», «личность / безличность», «объективная / субъективная модальность».

Многие исследования, посвященные категории состояния, при сопоставительном анализе, легко приходят к констатации производности языковой дескрипции от ментальной репрезентации (гипотеза Э. Сэпира – Б. Уорфа [8], «внутренняя форма языка» В. Гумбольдта и т.д. [7]).

Согласно положению когнитивистики, восприятие объекта означает не только перцептуальное, но и концептуальное его выделение из среды других объектов, т.е. придание объекту определенного смысла или концепта в качестве его ментальной репрезентации, «концептуальной картины мира», свидетельствующей о наличии у субъекта восприятия определенного интенционального состояния (отношения) [20].

Однако в разных языках мы можем наблюдать одну и ту же бинарность «точки зрения»: сравним русск. безличное «*Моросит*», «*Дождливо*» и личное «*Дождь / Снег идет*»; франц. безличное «*Il pleut / Il neige*» и личное «*La neige tombe*» и т.п.

В представленных примерах речь идет о семантически или референциально синонимичных высказываниях русского и других языков, выражающих одну и ту же «предметную ситуацию», один и тот же «денотат» (имеются в виду определенные погодные явления), что выявляет коррелятивность когнитивных процессов, приводящих, тем не менее, к отсутствию корреляции в их «языково-речевом» выражении. Сравним:

I. Русск.: а) « - Холодно»; б) « - Мне холодно»; в) « - Во! Мороз! » и т.д.	II. Франц.: а) « - Il fait froid»; б) « - J'ai froid»; в) « - Ça caille! », etc.
III. Русск.: а) «Ветрено»; б) «Дует»; в) «Подымается ветер» и т.д.	IV. Франц.: а) « - Il fait du vent»; б) « - Il y a un courant d'air »; в) « - Le vent soufflera », etc.

На первый взгляд, приведенные высказывания по-разному представляют когнитивность субъекта по параметру «объектность» (формальное отсутствие субъекта предложения, деятеля) / «субъектность» (наличие подлежащего-*sujet*) и в целом субъект-объектные отношения. Только фразы Ib и IIb имеют в своем составе маркеры отношения к семантическому субъекту в роли дополнения-экспириенцера (Iб) и подлежащего-экспириенцера (IIб). В остальных семантический субъект (одушевленный) либо отсутствует (безличные Ia и IIa, IIIa,б и IVa,б), либо имплицитно оценивается как субъект оценки в экспрессивных Iv и IIc. Особняком стоят фразы IIIв и IVc и частично Ib, в семантическом пространстве которых находится неодушевленный субъект в роли подлежащего или номинатива.

Следует, однако, отметить, что за всеми этими высказываниями стоит энунциатор – он же экспириенцер, который и порождает высказывания в результате природного воздействия на его разные перцептивные модули (по Дж. Фодору [29]), и в этом смысле они все субъективны как выражение восприятия говорящего.

Помещенные в диалог, они могут быть опровергнуты как ложные с противоположной точки зрения собеседника. Даже «псевдодескриптивные» IIIв и IVc, как, например, вырванное из контекста пушкинское, казалось бы, дескриптивно-оценочное «Мороз и солнце – день чудесный!», выполняют аргументативную (индексальную)

функцию по формуле «если... то»: «Чего ж ты дремлешь, друг прелестный? – Пора, красавица, проснись!», так же, как «Quand le vent soufflera, je repartira...» «Как только подует ветер, я вновь уйду в море» [32] или косвенный речевой акт просьбы: « - Il y a un courant d'air » (= «Fermez la fenêtre!») т.е. «Сквозняк» (= «Закройте окно»). Представленное сопоставление, по нашему мнению, доказывает, что семантический субъект связан не столько с семантической (внутренней) формой отдельной фразы (предложения), сколько с той конечной интерпретантой, которая превращает «субъект-объектные» отношения как результат влияния внешнего мира на говорящего (т.е. влияние объекта на субъект), в «субъект-субъектные» отношения, предполагающие инференции (умозаключения) интерпретирующего (анализирующего) адресата.

При произнесении высказывания «Идет дождь», наше сознание отождествляет его с референтом — «дождь». В терминах когнитивистики это означает: «Знание о существовании в каком-то месте и в какое-то время дождя, которое может быть выражено как пропозициональное знание при помощи предложения «Дождит / идет дождь», может быть представлено как специфическое знание, соответствующее предикационному знанию, —В настоящий момент имеет место некоторое состояние (обозначаемое специфичным предикатом —*дождит*”, или элементарному экзистенциальному знанию”, —Настоящий момент существует нечто (специфицируемое как —*ждь*”)”» [10, с. 49].

Другими словами, модальность речевого акта касается отношения говорящего не только к референту высказывания (пропозиции), но и к условиям порождения речи. На референтную ситуацию накладывается ситуация, в которой произносится то или иное высказывание (речевая ситуация) и более общая деятельностная ситуация, определяющая мотивы и цели речевых поступков (высказываний) участников коммуникации, определяющие их коммуникативную или дискурсивную компетенцию [1, с. 156].

В. Г. Борботько отмечает: «Когда в дискурсе встречается так называемое авторское «я», то это “я”, даже относясь к личности говорящего, не совпадает с ней. Оно представляет собой одну из возможных позиций, «инстанций» говорящего, которую его сознание соотносит в качестве операнда с некоторым другим операндом, предметом речи. Существенно то, что сам главный оператор, или *рефлектирующая инстанция*, от которой исходит установление всякого рода соответствий, никогда не представлена в дискурсе отдельной формой, она всегда пребывает *за кадром*», существуя только в своих производных величинах [...] Рефлексия — это отражение сознанием самого себя, некое удвоение фрагмента в пространстве образов мира, в результате чего сознание приобретает способность оперировать своими собственными образами. В результате самоотражения сознание расщепляется на две инстанции — рефлектирующую, активную, выступающую в роли оператора рефлексии, и рефлектируемую, *пассивную*», которая является объектом рефлексии и одновременно образом, *«копией»* ее субъекта» [3, с. 67-68].

Таким образом, субъект может стать при определенных условиях «объектом». Это происходит, прежде всего, когда субъект высказывания либо имплицитен (т.е. подозревается), либо элиминирован в силу его неучастия в процессе (IIIв и IVc), либо пассивен и претерпевает определенное состояние (*J'ai froid* – мне холодно, я мерзну; *Je suis malade* – я болен, etc.).

Промежуточной формой являются предложения, где существительное «в именительном падеже обозначает не носителя признака, а предикативный признак, приписываемый субъекту, выраженному другой именной формой, например: «*Мальшу год*; *У большого радикулит*; *С тетушкой обморок*» [6, с. 103].

Если рассматривать знаковую полифоничность субъекта (синтаксического, семантического и прагматического), можно констатировать взаимопереход субъекта в объект и наоборот внутри категории персональности. В любом пассивном предложении, типа «Дом строится рабочими», имеется расхождение между семантическим и синтаксическим субъектами. Синтаксический субъект — скорее объект, а не наоборот, как подсказывает нам глубинная *SVO*-структура «Рабочие строят дом». Подобное понимание основывается на онтологической логике, поэтому таких предложений, несомненно, значительно больше в обыденной речи. Однако мы часто имеем взаимное равенство субъекта и объекта. Например, французский так называемый возвратный залог («*Ce livre se vend bien*» – *Эта книга хорошо продается*) или его морфологические корреляты — взаимные или каузативно возвратные формы: «*Marie et Jean s'aiment*» – *Мари и Жан любят друг друга*, или «*Je me suis fait voler ma valise à la gare*» – «У меня на вокзале украли чемодан» опять доказывают расхождение между поверхностной синтаксической структурой персональности и глубинной семантической структурой «субъект-объектных» отношений. Последняя фраза на русский язык дословно не переводится («Я у себя заставил украсть чемодан») и передается просто как «У меня украли...». Но если в русском варианте субъект – экспириенцер пассивен и как бы «снимает с себя вину», то внутренняя форма французского оборота, наоборот, подчеркивает персональную ответственность за «протозейство» («Не вводи в искушение ближнего своего» или нечто подобное). Внутренняя форма возвратно-каузативного залога естественно стерлась, и французы, как и русские, говорят, естественно, о результате, о факте («Кто-то украл»).

На прагматическом уровне — уровне кодирования и декодирования смысла проявляется степень семантической (онтологической) активности субъекта и объекта. Этот уровень и определяет форму категории персональности и ролевые позиции семантических субъекта и объекта на синтаксическом уровне.

Таким образом, трансформации, отмеченные Н. Хомским [28], объективно служат логико-прагматической цели представления «субъект-объектных» отношений в глазах адресата-интерпретатора.

В силу асимметрии плана выражения и плана содержания можно представить взаимоотношения субъекта и объекта на семантико-синтаксическом уровне. Явление, с которым мы столкнулись в ходе межуровневого анализа субъектно-объектных отношений, называется «диатеза». «Диатеза остается самым мощным из

лингвистических инструментов, используемых при установлении соответствия между ролями участников (обозначаемой глаголом) ситуации и их синтаксическими позициями. Она позволяет выявить иерархию коммуникативных рангов, иначе — иерархию тематичности (*topicality hierarchy*) участников, информация о которой заключена в наборе приглагольных синтаксических позиций и является не менее важной, чем информация о семантических ролях» [21].

Содержательная функция диатезы представляется как «ориентация процесса» [4; 5] или семантическая «перспектива» [23] с точки зрения говорящего субъекта. С. А. Крылов, например, предлагает различать диатезы, охватывающие несколько уровней абстракции: (а) синтаксическую систему языка, в зависимости от того личная диатеза является исходной, а безличная — производной от неё (*Буря перенесла лодку на берег – Бурей перенесло лодку на берег*), (б) отдельный семантико-синтаксический разряд предикатов; так, у «погодных» глаголов (*verba meteorologica*) естественно считать исходной диатезой безличную (морозило, штормило; светает, моросит, тянет сыростью); у глаголов 'недомогания' (*verba aegrotandi*) — безлично-мучительную (Петю знобит, шатает, тошнит, рвёт, трясёт, лихорадит), у глаголов 'экспериментальных склонностей' — безлично-аффективную (мне кажется, нравится, представляется, снится) и т.п.; между тем, в синтаксической системе языка безлично-аффективная диатеза не является исходной, и у других глаголов чувства и восприятия выступает лишь как производная от исходной личной (*Надя плачет – Наде плачется*) или личной пропозициональной диатезы (Фрол думает, что опасность миновала – Фролу думается, что опасность миновала; Ярослав верит, что мы победим – Ярославу верится, что мы победим) и т.д.» [17].

Феноменологическому знанию, как отмечает А. В. Кравченко, противопоставлен другой тип собственно языкового знания — структуральное знание. Это знание есть форма категоризации информации, полученной и обработанной не как часть эмпирического опыта индивида, но как обобщающий итог опыта поколений, т.е. оно принадлежит не индивиду, а языковому социуму в целом, поэтому для языкового индивида оно является данным, существующим знанием [15]. Поэтому поверхностные роли концепта «Языковой субъект» не меняют его данности на глубинном, когнитивном уровне.

Следовательно, поверхностные трансформации, меняющие семантические роли субъекта (деятель' – _экспириенцер' и т.д.), лишь подтверждают глубинную суть синтактико-семантической структуры концепта «Языковой субъект»: несмотря на «объективность» точки зрения, отраженной в поверхностной структуре, глубинный субъект — это реальный источник процесса, становящегося «точкой зрения», вектором ориентации коммуникативной перспективы в поверхностной структуре, во многом определяемой главным структурным центром — глаголом.

Одну из характеристик «точки зрения» приводит Н. Д. Арутюнова на примере дихотомии «событие/факт». «Оба значения связаны с предложением и чаще всего выражаются его номинализациями. Первое — полными номинализациями: *Розы приятно пахнут – * Приятный запах роз известен всем*. Вторые — неполными: *Розы приятно пахнут – * То, что розы приятно пахнут, известно всем*. Сравнив приведенные примеры, можно убедиться в том, что полная номинализация относится непосредственно к реалиям, а неполная — к суждениям о реалиях. Это различие имплицитно и различно в значении предиката» [2, с. 104].

Крайним проявлением градуальной шкалы «личное лицо» — «безличность» является так называемый «имперсонал». Встает вопрос: должен ли «имперсонал» быть исключен из языкового концепта «Языковой субъект», т.к. в поверхностных структурах нет формально выраженного семантического субъекта действия, и называются они часто «бессубъектные конструкции» («БК»)? Мы в наших рассуждениях приходим к отрицанию этого отрицания. Для этого есть, по крайней мере, два аргумента: первый — когнитивный, второй — прагматический.

«Языковой субъект», как и любая другая категория, мыслится как оппозиция своего противочлена (истина/ложь, утверждение/отрицание и т.п.). Неважно, что некоторые категории не дихотомичны, а градуальны. Эти градуальные шкалы на своих полюсах имеют взаимоотрицающие субкатегории типа Р — не-Р, либо Р (наличие признака) — Ø (отсутствие признака). Вопрос о семантической первичности личных конструкций впервые поставила порождающая грамматика, для которой всякое безличное предложение может рассматриваться как производное от соответствующего личного предложения при помощи правила трансформации [25]. По-другому к феномену безличности подходит французская «психосистематика» (Г. Гийом, Ж. Муанье и др.) [6; 31]. По мнению этих ученых, в БК безличное местоимение (*il*) соответствует представлению говорящих о «мировом лице», которое может быть противопоставлено «человеческому лицу». Все случаи употребления БК рассматриваются с этой позиции как объединенные в плане содержания этим значением и непроизводные. Такое объяснение во многом определяется формальной синтаксической структурой французского языка: «Во французском языке БК выделяются по формальному критерию: они образуются финитным глаголом в 3-м л. ед.ч. с безличным нереферентным «пустым» местоимением *il* в позиции подлежащего. Безличное местоимение *il* в БК выполняет роль формального подлежащего, а типологически во многих языках (например, в русском) ему соответствует нулевое подлежащее. Грамматическая система французского языка требует, чтобы финитный глагол во всех наклонениях, кроме императива, употреблялся с подлежащим и согласовывался с ним в лице и числе, пусть даже это подлежащее является формальным» [12, с. 232]. Однако помимо лексикализовавшихся оборотов (в основном «погодных», «темпоральных» и «бытийно-пространственных») *Il pleut – идет дождь; Il est minuit – полночь / quatre heures – четыре часа; Il se trouve (que) – случается, что etc.* или т.н. «презентативов»: *il y a* 'имеется' и *il est* 'есть' (= быть, находиться, существовать и т.д.), чему существует онтологическое объяснение: субъект (человек)

не властен ни над силами природы, ни над течением времени, — большинству суждений с «БК» во французском языке находятся синонимические (производные?) личные конструкции или перифразы: *Il fait frais – свежо = J'ai froid – я мерзну; Il se fait tard – становится поздно = Je ne peux plus (rester) – я не могу больше оставаться*, либо псевдо-личные (с маркерами субъективности – актуальными или грамматикализованными) *«Ma maison est dans le Midi» – «Мой дом на Юге»; «La Tour Eiffel se trouve...» – «Эйфелева башня находится...»*.

Опуская вопрос генезиса и отдаленность от «внутренней» формы этих конструкций, тем не менее отметим, что безличная конструкция, по мнению некоторых ученых, имеет особую грамматическую функцию, являясь способом пассивной трансформации. Исходя из теории диатез и залогов [24; 26], безличный пассив должен рассматриваться как особая диатеза, и хотя формальное выражение глагола не отличается от личного пассива, в предложении он маркирован безличным местоимением-подлежащим.

Е. Е. Корди считает, что грамматическим значением БК является бессубъектность процессов и явлений, обозначаемых глаголами и оборотами данной группы. Редкие употребления этих глаголов в личных конструкциях носят сугубо литературный характер и обычно имеют переносное значение. Так, например, в грамматике *Grevisse* приведены литературные примеры с метеорологическими глаголами, где в одном случае в качестве субъекта выступает Бог, в другом — снаряды, пули и т. п.:

— *Dieu a-t-il tonné et éclairé?* (Bossuet) – 'Послал ли Бог громы и молнии?' — *Boulets, mitrailles, obus [...]* pleuvaient (Hugo), 'Ядра, пули, снаряды [...] падали дождем' – (Цит. по: [12, с. 237]).

Однако, по нашему мнению, последние примеры явно показывают «включенность» субъекта говорящего или субъекта интенционального (выражающего степень интенсивности процесса). Прибегая к метафорам, которые становятся «феноменом, обеспечивающим понимание» [19], говорящий субъект именно так представляет интерпретатору предметную ситуацию, соотношение личных и «объективных» безличных процессов, событий фактов. В. Г. Гак поэтому к традиционной триаде дейксиса «я-здесь-сейчас» добавляет четвертый компонент «так, таким образом», который входит в коммуникативно-дискурсивную и модально-оценочные рамки высказывания [5].

Еще более «субъективными» являются «модусные БК» — самые частотные из всех БК французского языка, имеющие разнообразные значения: модальные значения необходимости (*il faut* 'нужно', *il est nécessaire* 'необходимо'), возможности (*il est possible* 'возможно', *il se peut* 'может быть'), оценки достоверности (*il est probable* 'вероятно'), значения эвиденциальности (*il paraît* 'кажется', *il semble* 'кажется'), прагматической оценки (*il est facile* 'легко', *il est difficile* 'трудно', *il est utile* 'полезно'), оценки истинности (*il est vrai*), положительной и отрицательной оценки какого-либо действия (*il vaut mieux* 'лучше', *il importe* 'имеет значение', *il fait bon* 'хорошо', *il serait dommage* 'было бы обидно'), оценки частотности, узуальности (*il arrive* 'случается', *il est rare* 'редко бывает') и др.» [9, с. 239–242]. Таким модусным безличным конструкциям может быть приписан интенциональный (модально-аксиологический) субъектный префикс, например «*Je crois que...*» — «Я считаю, что...», «*Je pense que...*» — «Я думаю, что...», «*Je trouve que...*» — «Я считаю, что...», etc. [1; 16].

И, наконец, с точки зрения реляционной грамматики [22], БК можно рассматривать как «понижение в ранге» подлежащего в плане выражения, когда безличное местоимение равносильно опущению подлежащего, и, следовательно, субъект здесь представлен секвенцией (следующей за подлежащим глагольно-именной конструкцией со статусом «объекта»). Следовательно, субъект присутствует, но не занимает позицию подлежащего. Такое понимание соответствует концепции «точки зрения», обмена ролями подлежащего и дополнения. Другими словами, концепции актуального (или коммуникативного) членения предложения «пражской функциональной грамматики». В личных предложениях субъект является исходным пунктом (или темой), а предикат (сказуемое) — ядром высказывания (или ремой). Предложения, в которых глагол-сказуемое занимает первое место, а за ним следует обозначение субъекта, Е. Е. Корди считает нерасчлененным ядерным высказыванием, где присутствует рема, но не обозначена тема. «Таким образом, БК выступает в данном случае как инструмент актуального членения, и его грамматическим значением является **устранение субъекта с позиции подлежащего и темы**» [12, с. 244].

Косвенным подтверждением субъективности БК является её закреплённая ориентированность не столько на говорящего, сколько на человека вообще, т.е. следует вести речь о языковом антропоцентризме и его проявлениях в различных языковых структурах. В частности, выделяется категориальная основа (инвариантная сущность) языка во всех его ипостасях, являющаяся носителем антропоцентризма; эта категория есть «точка зрения» — «система антропогенных позиций, выступающих по-разному (то актуально, то виртуально) в языке, речи, речевой деятельности и поэтике» [15, с. 18]. При этом самый термин «точка зрения» прочитывается как «местоположение» — место в пространстве, с которого видится объект восприятия [Там же]. При таком подходе под ЭГО следует понимать не говорящего, а познающего мир человеческого индивида, участника речевого обмена по поводу референта, становящегося и производителем высказывания, и его интерпретатором.

В выраженной языком мысли (информации, смысла) отражается опыт, данный в ощущениях или в «модулях» восприятия [29]. Именно особенностями восприятия определяется субъектность (субъективность) как свойство объясняющего приоритет языкового антропоцентризма и антропоморфизма, которые «вплетены в самую ткань языка» [30]. Антропоцентризм является «отправной точкой теоретической и практической деятельности человека» [11, с. 86]. Основу перцептивного (феноменологического) знания составляют предметы, события, явления, проецируемые сознанием как элементы реального мира, находящиеся в определенных взаимоотношениях, которые на языковом уровне находят свое выражение в диатезе, в предикатах,

инверсии или формальном «устранении» субъекта. Поэтому языковой антропоцентризм и антропоморфизм особенно четко проявляются в различного рода диатезах, структуре высказывания и текста как пространственных отношениях между субъектом и объектом, между предметами и явлениями действительности, воспринимаемыми человеком. Это и есть субъект восприятия как точка отсчета (точка зрения).

Ориентированность на субъект восприятия как точку отсчета, составляющая когнитивное содержание значения языковых единиц, свойственна не только лингвистическим воззрениям. Такое понимание характерно и для литературоведения, теории дискурса — неслучайно фактор наблюдателя как элемент интерпретативной модели языкового значения в последние годы прочно вошел в систему филологического анализа [14; 16; 18; 19; 27 и др.].

Как отмечает А. В. Кравченко, «говорящий, описывая в высказывании какую-то ситуацию, имеет в своем распоряжении лексические и грамматические средства, с помощью которых он маркирует наблюдаемость этой ситуации, хотя необязательно в роли наблюдателя должен выступать он сам» [13, с. 74].

Таким образом, субъектно-объектная диффузия позволяет констатировать когнитивную статичность — константу категории субъекта на глубинном семантическом уровне высказывания, а формальное в той или иной степени (градуальное) его лексико-грамматическое представление свидетельствует о динамизме и полифоничности выражения субъекта на синтаксическом уровне. Образующая функционально-семиотическая среда субъекта, когнитивно существующая в виде «точки зрения», воссоздает псевдо-отсутствующий субъект как в плане выражения, так и содержания.

Список литературы

1. Алферов А. В. Интеракциональный дейксис. Пятигорск: ПГЛУ, 2001. 296 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 314 с.
3. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосипергетике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 228 с.
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. С. 612-623.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
6. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
7. Звегинцев В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 356-363.
8. Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 111-134.
9. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 366 с.
10. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
11. Колшанский Г. В. Соотношение объективного и субъективного в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.
12. Корди Е. Е. Полисемия безличных конструкций во французском языке // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 232-249.
13. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейктичность, индексальность. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. 212 с.
14. Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Изд. БГУЭП, 2008. 320 с.
15. Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой Категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. 160 с.
16. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
17. Крылов С. А. Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 259-267.
18. Ладыгин Ю. А. Автоцентрический подход к анализу прозаического. Иркутск: ИГУ, 1997. 135 с.
19. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
20. Одинцова А. Э. Модусные наречия в речевом взаимодействии. Контрастивное прагматическое исследование на материале французского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 153 с.
21. Падучева Е. В. Роли участников и диатезы глаголов эмоций // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 379-389.
22. Перлмуттер Д. М. О формальном представлении структуры предложения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 11. С. 76-82.
23. Филмор Ч. Дело о падеже. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. С. 269-530.
24. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 112 с.
25. Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 99-140.
26. Храковский В. С. Диатеза и референтность // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 5-42.
27. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.
28. Chomsky N. Current Issues in Linguistic Theory. The Hague, 1964. 119 p.
29. Fodor J. A. La modularité de l'esprit. P.: Minuit, 1986. 234 p.
30. Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. 371 p.
31. Moignet G. Etudes de psychomécanique du langage // Théorie de grammaire française: recueil des textes / Réd. L. M. Skrelina. Leningrad: Prosvéschénie, 1980. P. 126-131.
32. Séchan R. Dès que le vent soufflera [Электронный ресурс]: текст песни. URL: http://fr.lyrsense.com/renaud/des_que_le_vent_soufflera

**FUNCTIONAL DYNAMICS OF SUBJECT-OBJECT RELATIONS EXPRESSION IN COMPARATIVE PLAN
(BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)**

Chervonyi Aleksandr Mikhailovich, Ph. D. in Philology
Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov
ckutrik@yandex.ru

The author discusses the influence of asymmetry of content and expression plans on subject-object relations, both in the aspect of semantic syntax and discursive pragmatics, by the material of the Russian and French languages considers the dynamics of subject-object relations and their expression in the communicative act, presents the functional typology of the subject, correlates the implicit language subject with the notion "point of view", and describes the subject-object diffusion, which shows the dual nature of the subject: its cognitive static character at the deep semantic level of expression and its dynamism and polyphonic character of expression at the syntactic level.

Key words and phrases: subject-object relations; diffusion; condition; transformation; person; impersonality; point of view.

УДК 801.321.1:801.54

Филологические науки

В работе дается подробный анализ словарных статей слова «душа», представленных в толковых словарях разных исторических периодов. Это позволяет проследить процесс становления современной системы значений исследуемого полисеманта, происходивший в результате ухода одних и появления других лексико-семантических вариантов, исчезновения или возникновения реалий, разграничения понятий, обозначаемых данной лексической единицей.

Ключевые слова и фразы: слово «душа»; полисемант; лексикографическая репрезентация; значение; семантическая структура слова.

Ширяева Ольга Сергеевна, к. филол. н.

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
ossh_mountain@mail.ru

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТОЛКОВАНИЙ СЛОВА «ДУША»
В СЛОВАРЯХ РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРИОДОВ®**

Слово *душа* является полисемантом, что обусловлено как внеязыковыми, так и внутриязыковыми причинами. Для выявления изменений, которые произошли в семантической структуре данной лексической единицы, были проанализированы словарные статьи исследуемой лексемы в толковых словарях русского языка разных исторических периодов.

В словаре И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка» (СДРЯ), включающем богатый лексический материал периода XI-XV веков, у слова *душа* выделялось девять значений: 1) *то, что дает жизнь существу*; 2) *духовная сторона человека*; 3) *духовные свойства*; 4) *нравственные качества*; 5) *совесть*; 6) *обещание, присяга*; 7) *человек*; 8) *существо вообще*; 9) *жизнь* [9, с. 749-751]. Из приведенного толкования анализируемой лексемы видно, что в древнерусском языке первым, мотивирующим значением является представление о *душе* как о дыхании жизни, данном Богом.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» (СЦСиРЯ), который наряду с современной литературной лексикой середины XIX в. включает и архаизмы церковно-славянской письменности, рассматриваемое слово имело десять значений: 1) *бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею*; 2) *церк. дух, влияющий в тело животного; жизнь*; 3) *душевное свойство человека*; 4) **совесть*; 5) *человек всякого пола и возраста*; 6) *способность приводить в движение, занимать, или руководить многих*; 7) *сущность вещи*; 8) *чувство*; 9) *ум, разум*; 10) *приветствие любимому человеку* [8, с. 379-380]. Здесь в качестве прототипического значения выступает воззрение на *душу* как на двойника человека.

Анализ словарных статей слова *душа* в СДРЯ и СЦСиРЯ выявил, что в последнем зафиксированы шесть новых значений, появившихся у данной единицы к середине XIX века (№ 1, 6, 7, 8, 9, 10), и отсутствуют такие, как *душа, духовная сторона человека, нравственные качества, обещание, присяга, существо вообще*. Значение *жизнь* в СЦСиРЯ является синонимом к *дух, влияющий в тело животного* (животное – 1) *всякое живое существо* [Там же, с. 409]) и имеет помету «церк.», тогда как в СДРЯ это два разных значения (ср. со СДРЯ: № 1 – *то, что дает жизнь существу* и № 9 – *жизнь*). Можно предположить, что под *духом* в *дух, влияющий в тело животного* имеется в виду дыхание жизни (ср. *дух* № 10 – *дыхание*) [Там же, с. 379]).